

- 9 АПР 1977

„Эротокритос“

Поэма Вицендзоса Корнароса, повествующая о благородной, высокой любви distinguished Эротокритоса и прекрасной Аретус, является венцом греческой поэзии XVII века. Обращение к классическому наследию своего народа примечательно, и оно располагает зрителя к театру с самого же начала спектакля. Конечно, решающим является не одно только обращение к родной классике, а характер самого отношения: прослеживается ли в спектакле позитивное начало — живой интерес к наследию, чувство преемственности или же перед нами — пример иронии, насмешки, противопоставления?

Сразу же оговоримся: несмотря на языковой барьер, в наиболее существенных моментах спектакля и в режиссерском решении, и в характере актерского исполнения, в «Эротокритосе» оживало особое чувство чистоты и святости, высокие проявления человеческой природы. В продолжительных паузах язык мизансцен сам по себе казался достаточно выразительным, чтобы передать чувство страха влюбленных — истинно прекрасное чувство страха: не помять, не задеть неловким движением, не запятнать самого красивого и дорогого цветка во всей нашей планете — цветка, возвращенного чувством взаимности любящих сердец.

Весьма существен нюанс, подмеченный нами в аккомпанементе лирических сцен, когда мигающая пара влюбленных вдруг останавливается и застывает на грани взаимного влечения и невольного опасения, слышится песня без слов, слегка поддержанная гитарой. Прием хоть и не нов, но, тем не менее, найден особый штрих в модуляции звучания: когда на бурные словозлияния Эротокритоса отвечает трепетная Аретуса, то напев на этот раз исполняется с закрытым ртом, придавая словам особую окраску — накопившегося, ищущего выхода, чувства.

Особо впечатляет игра исполнительниц роли Аретусы Аяки Акондиду, Илиас Ламбриду и Лиды Тасонулу, акте-

ров Статиса Каккаваса, Костаса Бабиса, Никоса Буюдукоса (все трое исполняют роль Эротокритоса).

Верными помощниками режиссера являются художник Гиоргос Пацац, композитор Яннис Маркопулос.

Режиссура явственно стремится обогатить словарь современного сценического языка, и здесь немало привлекательных находок, сочетаний, соединений, гибридов, условных и безусловных сценических приемов. Однако, позволим себе заметить, что режиссер Спирос А. Евангелатос, щедрый в использовании самых различных средств, слишком часто, пожалуй, перепоручает фаифарам и барабану рождение тех эмоций, которые могут быть вызваны лишь струнами человеческих сердец, а стало быть, полнотой внутреннего мира актера.

Признаемся и в том, что мизансцена в конце первого акта, явно натуралистическая, и вызывающая оживление у наименее требовательной части публики, выглядит как явное игнорирование эстетической нормы и измена Эротосу, особую верность к которому питал прославленный греческий театр.

Впечатляющая биография создателя Амфи-театра Спироса А. Евангелатоса, получившего широкое специальное и философское образование, напомнила нам высказывание известного греческого философа-литературоведа К. Варналиса. Со страдание, которое, согласно учению Аристотеля, приносит драматическое творение, должно быть, подчеркивает Варналис, одновременно и психологического, и нравственного, и идеологического, и эстетического характера. Хотелось бы пожелать подобного равновесия во всей практике молодого коллектива Амфи-театра, полного нерастратенных сил.

Михаил ГИЖИМКРЕЛИ.

• • •

НА СНИМКАХ: сцена из спектакля.

Фото А. Вацьяна.

